Понедѣльникъ 24 іюня 1918 г. | *Освобожденіе рабочихъ—дѣло рукъ самихъ рабочихъ.* | Цѣна отд. № 30 к.; на станц. 35 к.

РАБОЧАЯ ЖИЗНЬ

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА СЪ ДОСТАВКОЙ:
1 мѣсяцъ 2 руб. — коп.
3 мѣсяца 5 „ 50 „
Телефонъ секретаря редакціи 3-20-46.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
въ районныхъ отдѣленіяхъ редакціи:
1) Остоженка, 1-й Ушаковскій пер., 14, кв. 14. Тел. 3-51-99 (отъ 5 до 7 час.).
2) Средняя Прѣсня, М. Предтеченскій пер., домъ 6, кварт. 2 (отъ 5 до 7 ч.).
3) Преображенская застава, 9-я рота, 8 (отъ 4 до 6 ч.).

№ 17. ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА. № 17.

ДОВОЛЬНО КРОВИ! ДОЛОЙ РАЗСТРѢЛЫ!

Снова разстрѣливаютъ.

Разстрѣливали при Николаѣ. Разстрѣливаютъ при Ленинѣ.

Вотъ она—политическая «диктатура пролетаріата», смотрите и поучайтесь: голодъ, произволъ, разстрѣлы открытые бѣлымъ днемъ и разстрѣлы по закоулкамъ темной ночью.

Выдѣленное рабочими правительство превращается въ правительство надъ рабочими. Созданный по образцу буржуазному и самодержавному, общественный строй оказывается безсильнымъ во всѣхъ областяхъ жизни, кромѣ одной—области произвола и угнетенія.

Товарищи! Кровь погибшихъ и гибнущихъ не вопіетъ ли о томъ, что мы идемъ по ложному пути? Опытъ всей нашей революціи не кричитъ ли онъ вамъ, что никакая политическая власть не дастъ вамъ ни хлѣба, ни свободы?

Ведется отчаянная кампанія за и противъ большевистскаго правительства.

Въ безумной борьбѣ за власть всѣ средства хороши для зарвавшихся политикановъ. И пускается въ ходъ безъ всякой мысли о подлости творимаго одно изъ самыхъ гнусныхъ средствъ натравливаніе одной части изголодавшагося, отчаявшагося пролетаріата на другую.

Вырвать власть у господствующей партіи: для этого готовы и на то, чтобы пройти по трупамъ тысячъ одураченныхъ рабочихъ.

Сохранить власть во что бы то ни стало; для этого готовы считать весь рабочій классъ бандой контръ-революціонеровъ и расправляться съ ними штыкомъ и пулей.

Не пора ли опомниться, товарищи?

Кто изъ васъ по чистой совѣсти увѣренъ, что эта схватка, чѣмъ бы она ни кончилась, выведетъ рабочую Россію изъ теперешняго ужаснаго положенія?

Кого бы вы ни посадили наверхъ, основныя задачи момента не будутъ разрѣшены, потому что никто васъ не можетъ освободить, кромѣ васъ самихъ. Какія бы обѣщанія вамъ ни давали политиканы, спекулирующіе на вашемъ отчаяніи, они обѣщаній этихъ не исполнятъ. Выходъ, достойный революціи и рабочаго класса, только одинъ: онъ въ томъ, чтобы перестать быть игрушкой въ рукахъ партій и ихъ вожаковъ и пойти своей собственной дорогой.

Рабочему классу нужно стать силой въ самой жизни. Тогда его никто не посмѣетъ разстрѣливать. Тогда всякая власть внимательно будетъ прислушиваться къ его голосу. Тогда онъ не будетъ сидѣть безъ хлѣба.

Стать силой—значитъ покончить съ дробленіемъ на враждующія и потому безсильныя кучки. Считайте поэтому измѣнникомъ дѣлу революціи всякаго, кто одну часть рабочихъ натравливаетъ на другую. Громко заявляйте всюду, что мы уже доросли до сознанія своего единства, и это единство мы воплотимъ въ охватывающей всѣхъ рабочихъ организаціи.

Стать силой въ самой жизни—это значитъ всю тяжесть общественной работы перенести сверху, изъ области борьбы за власть, за верхушку, внизъ, на фабрику, въ союзъ, въ кооперативъ. Только единая охватывающая всѣхъ пролетаріевъ экономическая организація дастъ рабочему классу могущество, свободу и благосостояніе.

Хотите ли вы попрежнему сидѣть голодными и безъ работы, хотите ли вы, чтобы вами попрежнему помыкали бюрократы, чтобы васъ водили за носъ политическіе спекулянты? Хотите ли вы, чтобы вашихъ братьевъ разстрѣливали?

Тогда идите за «коммунистами» или за меньшевиками съ эсъ-эрами—все равно за кѣмъ. Вѣрьте, что васъ спасутъ народные комиссары или учредилка. Считайте врагомъ, измѣнникомъ, контръ-революціонеромъ всякаго рабочаго, который вноситъ четвертакъ не въ ту партійную лавочку, въ которую платите вы. Зубами при случаѣ вцѣпитесь въ такого рабочаго.

Или вы уже достаточно страдали, чтобы прояснилось, наконецъ, ваше сознаніе? Почувствовали, что вы уже выросли до того, чтобы отбросить съ презрѣніемъ всякую внѣшнюю опеку? И ваше сердце сильнѣе бьется, когда вы думаете о всеобщемъ братствѣ единаго пролетаріата?

Тогда выпрямитесь, товарищи, вспомните, что вы—свободные, гордые своимъ достоинствомъ люди, бросьте политиканство лавочникамъ и интеллигентамъ и берите рабочее дѣло въ свои руки!

Время не ждетъ! **Н. Миличъ.**

Соціализмъ и ростъ классоваго самосознанія пролетаріата.

Лѣтъ пятнадцать назадъ глава теперешняго правительства совѣтской республики, Н. Ленинъ, въ своей брошюрѣ «Что дѣлать?» писалъ: «исключительно своими собственными силами рабочій классъ въ состояніи выработать лишь сознаніе трэдъ-юніонистское», то-есть, говоря иначе, лишь сознаніе необходимости вести профессіональную борьбу за частичныя улучшенія своего положенія.

Развивая дальше свою мысль, Ленинъ говоритъ, что носителемъ и создателемъ соціализма является не пролетаріатъ, а *буржуазная интеллигенція*, которая и «сообщаетъ ученіе соціализма выдающимся по своему умственному развитію пролетаріямъ, которые, въ свою очередь, вносятъ его въ классовую борьбу пролетаріата тамъ, гдѣ это допускаютъ условія».

Мы привели эту цитату изъ брошюры Ленина потому, что эти слова предсѣдателя Совнаркома, написанныя имъ 15 лѣтъ тому назадъ, разъясняютъ многое, что творится кругомъ насъ въ настоящее время.

Вся политика Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, руководимаго Ленинымъ, логически вытекаетъ изъ идей, какія выражены въ вышеприведенной цитатѣ.

Дѣйствительно, такъ какъ самъ пролетаріатъ никогда не доростетъ своими собственными усиліями до соціалистическаго сознанія, то дѣло соціализма является дѣломъ деклассированной буржуазной интеллигенціи. Она является *головой*, мозгомъ соціалистическаго движенія, самъ же пролетаріатъ долженъ быть лишь *руками*, простымъ орудіемъ соціальной революціи. На обязанности соціалистической интеллигенціи лежитъ миссія водворенія соціализма на землѣ, а для этого этой интеллигенціи нужна государственная власть, правительственная машина, при помощи которой въ одинъ прекрасный день соціалистическая власть однимъ почеркомъ пера уничтожаетъ буржуазный строй и вводитъ соціалистическій. Что и совершилось на нашихъ глазахъ въ нашей странѣ.

Но здѣсь невольно возникаетъ вопросъ—является ли этотъ декретный соціалистическій строй тѣмъ истиннымъ соціализмомъ, о которомъ мечтали и къ которому стремились всѣ лучшіе и наиболѣе передовые люди нашей эпохи? Воплощаетъ ли въ нашу жизнь этотъ соціализмъ, дарованный свыше, свободу, братство и соціальную справедливость, которыхъ такъ жаждетъ истрадавшееся человѣчество?

Къ сожалѣнію, суровая дѣйствительность даетъ на эти вопросы отрицательный отвѣтъ. На самомъ дѣлѣ, когда наблюдаешь жизнь въ нашемъ «соціалистическомъ оазисѣ», то приходится признать, что введеніе соціалистическаго строя мало чѣмъ отразилось на самомъ бытѣ русскаго общества. Большинство нашихъ рабочихъ хотя и называютъ себя соціалистами, а нѣкоторые даже коммунистами, въ дѣйствительности, по всей своей жизни, по всей своей психологіи, по всѣмъ своимъ привычкамъ, все еще остаются прежними людьми стараго буржуазнаго міра.

И вотъ, смотря на всѣ «опыты» нашего соціалистическаго правительства, на всѣ его неудачи съ введеніемъ соціализма, невольно, самъ собою, встаетъ вопросъ: возможенъ ли, вообще, соціализмъ? не является ли онъ лишь «безсмысленнымъ мечтаніемъ», несбыточной соціальной утопіей?

Дѣйствительно, если соціалистическая рабоче-крестьянская власть, горящая желаніемъ водворить на землѣ «рай соціализма», оказалась безсильной сдѣлать это, какъ въ этомъ признался и самъ Ленинъ, а съ другой стороны, если признать, что самому пролетаріату никогда не суждено дойти до соціалистическаго сознанія, то кажется, что дѣло соціализма проиграно безвозвратно.

Однако, такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Если мы хоть на минуту оторвемся отъ книжныхъ теорій соціализма и обратимся за отвѣтомъ на нашъ вопросъ къ самой жизни, къ исторіи рабочаго движенія, то нашъ пессимизмъ скоро разсѣется.

Намъ придется лишь отказаться отъ теоріи Ленина, что пролетаріатъ не можетъ возвыситься своими собственными усиліями до соціалистическаго сознанія и что носителемъ и творцомъ соціализма является буржуазная интеллигенція.

Конечно, буржуазная интеллигенція въ лицѣ Маркса, Энгельса и другихъ второстепенныхъ апостоловъ, создала и выработала тотъ соціализмъ, въ который вѣруетъ и который исповѣдуетъ Ленинъ. Но рядомъ съ этимъ соціализмомъ, созданнымъ въ кабинетахъ ученыхъ, соціализмомъ доктринерскимъ, книжнымъ и интеллигентскимъ существуетъ и развивается другой соціализмъ—соціализмъ рабочій, практическій, созданный въ самомъ процессѣ рабочей борьбы.

Эти два вида соціализма, конечно, имѣютъ кое-что общее между собою, но они имѣютъ также и очень большія различія. Въ своемъ развитіи тотъ и другой соціализмъ, безъ сомнѣнія, оказывали другъ на друга извѣстное вліяніе, но тѣмъ не менѣе эти два вида соціалистической мысли шли и развивались каждый по-своему, по своей внутренней логикѣ.

И если нынѣ соціализмъ интеллигентскій, доктринерскій дошелъ въ своемъ развитіи до своего логическаго завершенія и заставляетъ соціалистовъ-интеллигентовъ кричать о кризисѣ или даже о крахѣ соціализма, то, напротивъ, соціализмъ рабочій полонъ силы, юношеской энергіи и передъ нимъ открываются безграничные горизонты творчества новыхъ формъ соціальной жизни.

Въ то время, какъ соціализмъ доктринерскій, соціализмъ партійной интеллигенціи изживаетъ самъ себя и медленно утопаетъ въ партійныхъ дрязгахъ и спорахъ о томъ «какъ сказалъ Марксъ», «какъ понималъ Энгельсъ», и т. п., соціализмъ пролетарскій непрерывно растетъ и крѣпнетъ вмѣстѣ съ развитіемъ классоваго самосознанія пролетаріата.

Факты рабочаго движенія всѣхъ странъ Западной Европы, въ особенности исторія рабочаго движенія во Франціи, краснорѣчиво показываютъ, что соціализмъ пролетарскій является естественнымъ результатомъ развитія и роста классоваго сознанія рабочихъ.

Изучая исторію французскаго рабочаго движенія, мы убѣждаемся, что пролетаріатъ не только способенъ своими собственными усиліями подняться до соціалистическаго сознанія, какъ это отрицаетъ Ленинъ, но что онъ въ своей борьбѣ и въ своемъ развитіи сначала стихійно, а затѣмъ сознательно, можетъ создать и создаетъ свои собственныя чисто классовыя учрежденія и вырабатываетъ коллективную теорію пролетарскаго соціализма.

Въ слѣдующей статьѣ мы попытаемся кратко разсказать исторію развитія классоваго сознанія французскаго пролетаріата, изъ которой мы увидимъ, что развитіе подлиннаго соціализма идетъ совершенно другимъ путемъ, чѣмъ тотъ путь, который предначертали жрецы партійнаго соціализма.

Н. Лебедевъ.

Мы сами... Мы больше не вѣримъ!

Мы искали выходъ, путь къ новой жизни.

Неясно, туманно было впереди. Тоскливо настоящее. Тяжелая, враждебная рука давила надежды.

Но выходили одиночки говорили о той новой жизни. Сильные, яркіе штрихи и, словно излучая сіяніе, она вставала предъ нами.

Ширилось сердце, блестѣли глаза, крѣпли надежды.

Сила, вѣра, бодрость звучали въ призывахъ. Они выдавали себя Святогорами, обѣщали придвинуть ту жизнь своими усиліями, требуя отъ насъ лишь поднять ихъ до точки опоры для сдвига—поднять кверху.

Съ надеждами мы поднимали ихъ, падая сами.

Мы видѣли ихъ приготовленія къ сдвигу и ждали.

Ждали послѣдняго напора.

И снова звучали слова, уже сверху, но не было въ нихъ вѣры, бодрости. Презрѣніе къ намъ звучало въ словахъ: „Мы готовимся къ сдвигу, ждите и вѣрьте намъ, вашимъ вождямъ."

Но мы уже видѣли однѣ лишь гримасы приготовленій... Теряли надежды...

Вновь рядомъ раздались бодрыя рѣчи и мы подпадали подъ новый гипнозъ.

Кривой, длинный путь обмана позади.

А впереди!?

Развѣ теперь мы не познали своего легковѣрія?

Развѣ вѣримъ мы въ сдвигъ отъ извнѣ приложенной силы?

Или мы еще не прониклись сознаньемъ, что все въ насъ самихъ?

Мы познали! Мы знаемъ!

Новая жизнь будетъ дѣломъ рукъ нашихъ. Мы создадимъ ее, воплотимъ, и ширья будетъ расти нашими усиліями, охраняемая нами отъ внѣшнихъ враждебныхъ приливовъ.

Мы сами... Мы больше не довѣримъ!

Одна изъ многихъ.

На сломѣ волны.

(«Боги жаждутъ», романъ Анатоля Франса).

Великая французская революція...

Гдѣ-то далеко-далеко на заднемъ фонѣ сознанія память о лучезарно-свѣтлыхъ, радостно-пьянящихъ первыхъ дняхъ общенароднаго порыва, когда, разметавъ гнетущія каменныя глыбы, Парижъ на мѣстѣ Бастиліи при свѣтѣ веселыхъ лампіоновъ устраивалъ свои танцевальные вечера. Какъ смутный сонъ и очевидная нереальность встаетъ то время, когда будущій свирѣпый монтаньяръ Сентъ Этьенъ увѣренно заявлялъ въ Національномъ Собраніи: «невозможно думать, чтобы у кого-нибудь явилась смѣшная мысль объ обращеніи нашего королевства въ республику». И врядъ ли теперь самъ Робеспьеръ вспоминалъ о томъ, какъ подозрѣніе въ республиканскихъ стремленіяхъ онъ отбрасывалъ въ качествѣ злонамѣренной клеветы. Революція переросла взгляды и намѣренія тѣхъ, кого она избрала своимъ орудіемъ. Логика событій, какъ всегда, покорила логику умовъ. Жестокая война, выпавшая на долю свободной Франціи, связанное съ нею разореніе промышленности и торговли, финансовое разстройство, благодаря которому было выпущено свыше 45 милліардовъ бумажныхъ денегъ, неимовѣрная дороговизна, доведшая въ итогѣ до того, что 100 бумажныхъ ливровъ имѣли реальную цѣнность въ нѣсколькихъ прежнихъ су, прямой голодъ и массовая безработица,—все это довело населеніе до состоянія хроническаго возбужденія. Подъ напоромъ этихъ событій зашаталась и пала установившаяся было прочно конституціонная монархія (революція началась въ іюлѣ 1789 г., а король былъ низложенъ три года спустя—въ августѣ 1792 г.). Началась междоусобная борьба республиканскихъ партій при энергичной поддержкѣ измученной голодомъ, страданьемъ, хозяйственной разрухой пролетарской массы, становившейся неизмѣнно на сторону каждой энергичной оппозиціонной группы, чая отъ ея побѣды конецъ всѣмъ своимъ мукамъ. Чѣмъ меньше было пониманія логики событій, чѣмъ больше люди неслись на крыльяхъ *вѣры*, тѣмъ больше крови и ожесточенья было въ этихъ столкновеніяхъ.

Вслѣдъ за королемъ и аристократами были одинъ за другимъ сметены конституціоналисты, умѣренные республиканцы-жирондисты, вчерашніе соратники Робеспьера—дантонисты. Вмѣстѣ съ ними погибъ подъ ножемъ гильотины поднявшій Парижъ на возмущеніе молодой революціонеръ Камиль Демуленъ. Смерть ликовала на своемъ праздникѣ,—но положеніе не улучшалось. И снова, все снова приходилось прибѣгать къ насилію.

— «Пусть гильотина спасетъ отечество!»— восклицаетъ герой романа Эваристъ Гамеленъ,—нужно было бы учредить трибуналъ въ каждомъ городѣ. Да что я говорю! въ каждой общинѣ, въ каждомъ кантонѣ... Державный народъ уничтожитъ смертную казнь въ одинъ прекрасный день. Робеспьеръ боролся противъ смертной казни и всѣ патріоты вмѣстѣ съ нимъ. Слѣдуетъ поторопиться съ закономъ, отмѣняющимъ ее. Но все-таки примѣнять его не слѣдуетъ раньше, чѣмъ послѣдній врагъ Республики погибнетъ подъ мечомъ закона».

Стоящая какъ бы надъ жизнью, всемогущая государственная власть гипнотизировала взоры. Это она можетъ все организовать и все устроить. Если бы ей всѣ покорно подчинились, всѣ бѣды были бы излечены. Если же, несмотря на всѣ ея усилія, этого нѣтъ; если все идетъ хуже и хуже,—значитъ дѣло въ злонамѣренныхъ лицахъ, въ предателяхъ и аристократахъ, противъ которыхъ одно только средство—терроръ!

— «Господи Боже!—вздохнула гражданка, показывая сыну краюху сѣраго тяжелаго хлѣба,—хлѣбъ невозможно дорогъ; да къ тому же онъ съ примѣсями. На рынкѣ не найдешь ни овощей, ни яицъ, ни сыру... Я видѣла на улицахъ женщинъ, которымъ нечѣмъ кормить своихъ малютокъ. Ужасная нищета среди бѣдняковъ! И такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока не возстановятъ порядка.

— Мама,—сказалъ Гамеленъ, хмуря брови,—голодомъ мы обязаны скупщикамъ и биржевикамъ. Это они морятъ голодомъ народъ... Некогда терять время, надо назначить таксу на муку и казнить всякаго, кто спекулируетъ на нуждѣ народа.

Эта вѣра въ спасительность государственнаго насилія имѣла почвой не столько господствовавшій въ то время въ умахъ раціонализмъ, т.-е. взглядъ, по которому государственная власть можетъ собственной силой преобразить всю жизнь народа на основѣ заранѣе установленнаго плана. Живые корни этого настроенія глубже. Они—въ слабости массоваго движенія. Терроръ—показатель не силы, а немощи. Онъ возникаетъ не тамъ, гдѣ классъ, осознавъ свои цѣли, движется къ нимъ стройными, тѣсно сплоченными рядами. Онъ неизбѣжно выростаетъ тамъ, гдѣ народное движеніе хило, гдѣ оно мечется слѣпо отъ одного вождя къ другому. Такъ именно обстояло въ эпоху великой революціи во Франціи. И тогда—еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ теперь въ Россіи.

Не на себя, не на свое пониманіе и силу полагалось тогда народное движеніе. Оно страстно *вѣрило* въ вождей. И эта слѣпая страсть причудливо кидала его отъ одного къ другому. Оно все искало и все не находило свою «истинную любовь», исполняло своеобразную роль политическаго донъ Жуана.

Вернемся къ бесѣдѣ Гамелена съ матерью, прерванной нами посрединѣ.

— Возложимъ надежды на Робеспьера,—продолжалъ онъ.—Онъ добродѣтеленъ. Но главнымъ образомъ будемъ надѣяться на Марата. Онъ любитъ народъ, хорошо различаетъ его подлинныя нужды и служитъ имъ. Онъ всегда первый разоблачалъ измѣнниковъ и раскрывалъ заговоры. Онъ неподкупенъ и безстрашенъ. Онъ одинъ можетъ спасти Республику, находящуюся въ опасности.

Гражданка Гамеленъ покачала головой, причемъ плохо прикрѣпленная кокарда упала съ чепца на полъ.

— Оставь, Эваристъ: твой Маратъ—человѣкъ, какъ и всѣ прочіе, и стоитъ столько же, сколько они. Ты молодъ и поэтому питаешь

КРАСНАЯ ВОЛНА.

(Романъ изъ жизни французскихъ синдикалистовъ и революціонеровъ).

Соч. Рони.

(Сокращенн. переводъ).

X.

Было бы ошибкой полагать, что пропаганда Ружмона являлась чѣмъ-то извнѣ внесеннымъ въ мирную жизнь предмѣстья. Нѣтъ, рабочіе кварталы были густо насыщены революціоннымъ настроеніемъ. Роль Франсуа сводилась, въ сущности, лишь къ выявленію, къ кристаллизаціи неопредѣленныхъ исканій, лихорадочно мечущейся мысли; къ организаціи и цѣлесообразному направленію хаотично переплетающихся одиночныхъ усилій.

Вокругъ его имени быстро сложилась и выросла цѣлая легенда, имѣвшая своимъ основаніемъ его выступленіе въ столь взволновавшій населеніе вечеръ у мѣста обвала. Ему несли свои симпатіи не только мужчины, но и женщины, и даже дѣти. Въ его присутствіи Филиппина совершенно мѣняла свое отношеніе къ мужу. Г-жа Жанетта Мелієръ была имъ сразу очарована.

Г-жа Фаландръ съ дочерью принимали его въ высшей степени любезно: дважды онъ долженъ былъ за семейнымъ столомъ отвѣдать приготовленную хозяйкой курицу. Когда онъ проходилъ мимо, на порогѣ появлялась мать маленькаго Топена и долго смотрѣла ему вслѣдъ. Антуанетта Перего была готова подчиниться ему такъ же слѣпо, какъ самому своему обожаемому супругу. Вдова погибшаго Прежело и мать великана Александра не уставали превозносить его на каждомъ шагу. Госпожа Бигуръ стала не только тщательно слѣдить за прической, но даже отдала въ чистку свои засаленные лифчики. Ружмонъ не пренебрегъ этимъ благопріятнымъ настроеніемъ. Онъ не преминулъ использовать его для своего дѣла. Онъ побудилъ Жоржетту Мелієръ, маленькую Ренъ, длинную Евлалію и Жакелину Део положить начало союзу брошюровщицъ. Тѣхъ, кто не работалъ на фабрикѣ онъ зажегъ своей агитаціей противъ алкоголизма и за права женщинъ.

Онъ не ограничился пропагандой въ предмѣстьи, но перекинулъ свою дѣятельность на фабрики у бульвара Массена. Онъ тѣснѣе спаялъ съ Всеобщей Конфедераціей Труда типографовъ и переплетчиковъ Делаборда.

Ружмонъ не замыкался въ одну пропаганду. Его методъ состоялъ въ томъ, чтобы одновременно съ ней вести, какъ онъ выражался, наглядное обученіе. Оно состояло въ томъ, чтобы въ непрерывномъ дѣйственномъ напряженіи дисциплинировать и организовывать рабочія массы. Прежде всего занялись владѣльцами, не желавшими заключить договоръ съ рабочими союзами. Изыскивались средства принудить ихъ къ этому. Упорствующихъ, къ всеобщему свѣдѣнію, заносили въ особые списки. Затѣмъ принялись за рабочихъ: убѣжденіемъ и угрозами присоединяли къ союзу безразличныхъ, травили и изгоняли желтыхъ, поддерживали стачечниковъ, подталкивали недовольныхъ на бунты и саботажъ. Обстоятельства времени и мѣста выдвигали на передній планъ то одну, то другую задачу.

Начало было положено выступленіемъ въ типографіи Бушарда, гдѣ работало около сорока человѣкъ.

Пьеръ Бушарда былъ ярымъ ненавистникомъ церкви и не менѣе горячимъ сторонникомъ республиканскаго строя, который онъ превозносилъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Но дальше политическаго радикализма онъ не шелъ. Въ синдикализмѣ онъ видѣлъ лишь борьбу за право на лѣность.

— Я признаю право на лѣность—говорилъ онъ,—если ты непремѣнно хочешь голодать,—голодай пожалуйста. Если тебѣ достаточно 4 су—живи на 4 су! Но если хочешь къ обѣду горячаго—надо работать, надо хорошо и умѣючи работать. У меня не было ни гроша. Отецъ мой былъ простымъ сторожемъ и долженъ былъ содержать четырехъ мальчишекъ и пятерыхъ дѣвочекъ. Я работалъ уже въ четырнадцать лѣтъ. Когда нужно было работать ночь—я работалъ ночь. Мнѣ платили какъ и другимъ. То-есть такъ мало, какъ только можно было. И вмѣстѣ съ другими я участвовалъ въ стачкахъ. Я вовсе не противъ стачекъ. Только стачки за право бездѣлья уже не стачки. Это—синдикализмъ, а синдикализмъ это—всеобщая конфедерція лѣнтяевъ.

Эту рѣчь онъ повторялъ неоднократно. А конецъ ея заставлялъ его смѣяться до слезъ. Синдикализмъ не внушалъ ему никакой тревоги. Онъ былъ увѣренъ, что это движеніе потерпитъ крушеніе, какъ потерпѣли въ свое время жалкій конецъ національныя мастерскія и коммуна. Лозунгъ восьмичасового дня возмущалъ его до глубины души. По его убѣжденію проведеніе этой мѣры въ жизнь усилило бы пьянство, привело бы къ разоренію промышленности и къ новому вторженію пруссаковъ. Лично онъ работалъ все время. Лишь эта энергичная работа и постоянное напряженное вниманіе давали возможность существовать его предпріятію, лишенному необходимыхъ оборотныхъ средствъ и имѣвшему крайне недостаточное число работниковъ. По нѣкоторымъ часто коммерческимъ соображеніямъ онъ подписалъ договоръ съ союзомъ рабочихъ печатнаго дѣла и обязался принимать на службу лишь организованныхъ рабочихъ. Теперь онъ сожалѣлъ объ этомъ. Съ этого злосчастнагомо мента начались сотни мелкихъ непріятностей въ совокупности своей отравлявшихъ ему существованіе.

Прежде всего его приводило въ отчаяніе поведеніе цѣлаго ряда рабочихъ. Они дѣлали видъ, что не замѣчали его. Являлись въ мастерскую съ независимымъ и вызывающимъ видомъ, еле удостаивая его поклономъ. Чуть звонокъ возвѣщалъ объ окончаніи трудового дня, они обрывали работы и оставляли ее въ какомъ бы она ни была состояніи. Въ отвѣтъ на замѣчанія вели себя насмѣшливо, а то и просто пропускали его слова мимо ушей. Они установили опредѣленный максимумъ работы, за который никогда не переходили и открыто издѣвались надъ тѣми, кто дѣлалъ больше. Нормальную работу они разсматривали какъ причину своихъ несчастій. Ей они приписывали значеніе источника безработицы и низкой оплаты труда.

Однажды, когда Бушарда видимо надоѣлъ своими замѣчаніями одному изъ рабочихъ,—этотъ длинный парень вытащилъ изъ кармана обрывокъ «Голоса Народа» и протянулъ его съ насмѣшливымъ видомъ хозяину.

Въ газетѣ были два рисунка подъ названіемъ «Рабочій, бери машины, а ты, крестьянинъ,—кормилицу-землю». Первый рисунокъ изображалъ двоихъ рабочихъ съ довольными выраженіями лицъ, а рядомъ съ ними тощаго плѣшиваго субъекта въ сюртукѣ съ испуганными глазами. Одинъ изъ рабочихъ обращается къ нему съ великодушнымъ заявленіемъ: ничего, и для васъ мы оставили мѣсто на фабрикѣ... Работайте себѣ, и знайте—поштучная плата отмѣнена.

На другомъ здоровенный дѣтина въ крестьянской одеждѣ заявляетъ чистенькому буржуа съ уныло опущенными усами и выраженіемъ растерянности во всей фигурѣ: послушайте, вы, и для васъ есть мѣсто за общимъ столомъ, а вотъ—лопата для общей работы.

Бушарда машинально взялъ листокъ въ руки. Однако при видѣ иллюстраціи онъ весь загорѣлся гнѣвомъ. Его борода запрыгала отъ охватившаго его волненія:

— Ахъ, вы, бычья голова! завопилъ онъ.

По мастерской разлился ехидный смѣхъ, въ то время, какъ рабочій отвѣтилъ съ невозмутимымъ видомъ:

— Это значитъ только то, что когда рабочіе овладѣютъ капиталомъ,—мы не будемъ относиться къ вамъ, какъ къ вьючной лошади, что вы постоянно дѣлаете, а поведемъ себя по-пріятельски. А что касается бычьей головы, то я ее предпочитаю ослиной. Знаете, хозяинъ, длинные рога лучше длинныхъ ушей.

Смѣхъ въ мастерской все усиливался. Кровь стучала въ вискахъ старика. Внѣ себя отъ гнѣва онъ закричалъ:

— Ладно. Можете убираться. Такихъ мнѣ не надо.

— Извиняюсь,—сказалъ рабочій спокойнымъ, но полнымъ угрозы голосомъ,—не хотите ли вы сказать, что увольняете меня со службы?

— Вотъ именно, дорогой мой.

— А причина? еще болѣе спокойнымъ тономъ спросилъ рабочій.

— Ну, прежде всего, вы плохо работаете. Затѣмъ потому, что вы изволили издѣваться надо мной. И еще, потому просто, что хозяиномъ здѣсь я!

— Знаете, это всегда такъ говорится. Когда хотятъ убить собаку, всегда находятъ что она бѣшенная. Что касается моей работы,—она уже вовсе не такъ плоха. Вы платите мнѣ 7 франковъ въ день. Я же вамъ работаю на 12. Съ другой стороны, я вовсе не издѣвался надъ вами. Какъ разъ наоборотъ. Это вы обошлись со мною грубо. И весьма грубо, милостивый государь. Тому свидѣтели всѣ товарищи. Ну, а кто и какъ здѣсь хозяинъ—это нужно еще ближе обслѣдовать. Вамъ принадлежитъ эта типографія и тѣ прибыли, которыя вы выколачиваете на нашей спинѣ. Это такъ. Но съ другой стороны,—мы вовсе не ваши сторожевыя собаки. Существуетъ все-таки договоръ, котораго необходимо держаться. И совершенно недопустимо позволить выбросить себя такимъ манеромъ.

И онъ обратился къ рабочимъ:

— Не правда ли, товарищи, вы не допустите этого?

Маленькій человѣкъ, изрытый оспой и съ бѣльмомъ на глазу, отозвался живо изъ рядовъ:

— Если тебя выкинутъ, мы забастуемъ. По крайней мѣрѣ, я не останусь здѣсь и пяти минутъ.

Коллективный духъ овладѣлъ мастерской. Десятокъ голосовъ поддержалъ его:

— Правильно... правильно... забастуемъ.

Глаза старика, устремленные на нихъ, налились кровью. Негодованіе душило его. Онъ взмахнулъ сжатымъ кулакомъ и вышелъ, пробормотавъ:

— Мы еще посмотримъ, кто здѣсь хозяинъ! Всѣ на одинъ ладъ... всѣ! всѣ!

Мастерская была завалена работой. Было немыслимо пріостановить производство. Когда его гнѣвъ улегся, типографъ созналъ это, и, подчиняясь силѣ обстоятельствъ, оставилъ рабочаго на мѣстѣ. Но испытанное имъ униженіе легло тяжело на душу. Оно не давало ему покоя даже во снѣ. Онъ возненавидѣлъ этихъ людей, которые явно издѣвались надъ нимъ. Его чрезвычайно раздражало и то, что они научились не лѣзть за словомъ въ карманъ. Ихъ доводы казались ему глубоко отвратительными. Полный благоговѣнія къ дѣлу всей своей жизни, онъ не допускалъ и тѣни сомнѣнія, что мастерская создана его единоличными усиліями: рабочіе ни въ чемъ не содѣйствовали ему; они лишь портили и коверкали дѣло. Онъ сравнивалъ двадцать лѣтъ своего непрерывнаго труда съ распущенностью и пьянствомъ этихъ людей; жестикулируя и отдуваясь подъ вліяніемъ душившаго его гнѣва, онъ обращался вслухъ къ самому себѣ:

— Чтобы они могли сорганизоваться! Чтобы они смогли что-либо сдѣлать для самихъ себя! Стоитъ лишь разъ взглянуть на этихъ субъектовъ! Да вѣдь это сплошь свиньи изъ грязнаго хлѣва... Свиньи по отношенію къ своимъ женамъ, свиньи по отношенію къ своимъ товарищамъ, свиньи по отношенію къ самимъ себѣ! Чтобы они смогли обойтись безъ хозяина, безъ пастуха! Это они то? Они? Да вѣдь тогда они самихъ себя живьемъ похоронятъ. Можетъ быть я ихъ не знаю? Да развѣ я ихъ не видѣлъ изо-дня-въ день вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ я работаю и двадцать лѣтъ какъ имѣю мастерскую? До пустыхъ словъ они очень охочи. А до работы? До работы не очень-то. Имъ бы все сидѣть, сложа руки, дуть свое вино да гоняться за дѣвками. На это они дѣйствительно мастаки.

Такъ бесѣдовалъ съ самимъ собой старикъ Бушарда, усвоившій эту привычку своей одинокой жизни еще очень давно. При видѣ еще болѣе распустившихся послѣ одержанной побѣды рабочихъ у него пересыхало въ глоткѣ отъ клокотавшей въ немъ жажды мести.

Однажды къ нему послѣ обѣда явился товарищъ прежнихъ лѣтъ совмѣстной подъяремной [?] работы и нѣсколькихъ веселыхъ похожденій по женской части. Викторъ Гланьянъ принадлежалъ къ той же породѣ энергичныхъ и самостоятельныхъ людей, что и Бушарда, но уступалъ послѣднему въ умѣ и чистотѣ характера. Кромѣ того онъ слишкомъ много удѣлялъ въ своей жизни женщинамъ. Онъ также сумѣлъ создать себѣ самостоятельное типографское заведеніе и успѣшно велъ его въ теченіе десятка лѣтъ. Потомъ поперекъ дороги ему стали неблагопріятно сложившіяся обстоятельства. Не обошлось и безъ вмѣшательства женщины. Гланьянъ разорился и съ частью спасеннаго капитала, удалился въ провинцію. Однако всѣ усилія его возстановить положеніе кончились неудачно. Теперь онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ обратиться къ старому товарищу за работой. Его появленіе растрогало Бушарда. За бутылкой хорошаго вина они воскресили въ памяти золотые дни юности, когда они не представляли себѣ, что такое ревматизмъ и жизнь заманчиво открывалась передъ ними.

— Конечно, дорогой, ты получишь работу. И хорошую работу! Какова бы была наша и безъ того гнусная жизнь, если бы мы забывали старыхъ друзей.

Товарищи! Добивайтесь полной свободы собраній! Добивайтесь запрещенія вооруженнымъ приближаться къ мѣсту собраній!

иллюзіи. То, что ты сейчасъ говоришь о Маратѣ, ты говорилъ раньше о Мирабо, о Лафайетѣ, о Петіонѣ, о Бриссо...

— Никогда!—вскричалъ совершенно искренно забывшій это Гамеленъ.

Вѣра въ спасительность государственнаго насилія тѣсно сплелась съ другой вѣрой. Вѣрой въ вождя, который все знаетъ и все сорганизуетъ. На каждомъ шагу, въ каждомъ движеніи, сказывалось отсутствіе прочнаго классоваго сознанія и классовой сплоченности, той непрерывной молекулярной работы, которая спаиваетъ крѣпкимъ цементомъ классовое единство и придаетъ ему непреодолимую силу. Масса выступала на арену, творила сама—лишь порывами, лишь въ исключительные моменты. Она кидаетъ на колеблющуюся чашу вѣсовъ свою численность и силу, рѣшаетъ исходъ очередной политической катастрофы, и снова наступаетъ отливъ, снова она уходитъ въ себя, снова предоставляетъ теченіе общественныхъ дѣлъ его собственному ходу.

Естественно, что выброшеннымъ изъ ея нѣдръ группамъ и единицамъ, при всей ихъ преданности, при всей ихъ самоотверженности, не удается ничего измѣнить. Больше того—вся ихъ психологія уродливо искажается. Выбиваясь изъ силъ, стоя лицомъ передъ непомѣрными задачами, доступными не индивидуальному творчеству, а исключительно творчеству массовому, коллективному, они видятъ себя вынужденными прибѣгать къ наиболѣе «сильнымъ», хотя и одинаково съ другими безрезультатнымъ средствамъ.

Употребленіе этихъ «сильныхъ» средствъ, вѣчная игра съ человѣческой жизнью, постоянное сознаніе *собственной личной* отвѣтственности за судьбы Революціи постепенно зарождаетъ въ этихъ «избранныхъ» единицахъ духъ особаго весьма своеобразнаго аристократизма, приводящій въ итогѣ къ полному и окончательному отчужденію отъ массы, къ полному взаимному непониманію.

Эта отчужденность отъ общей жизни націи имѣетъ не только общественное значеніе, но и отливается въ тяжелую личную трагедію. Мы знаемъ эти черты въ психологіи русскихъ террористовъ. Онѣ выросли у нихъ въ эпоху глубокаго упадка послѣ крушенія революціонныхъ надеждъ и чаяній. И та же уродливая психологія террора всецѣло овладѣваетъ людьми въ эпоху «упадочнаго», «больного» революціоннаго движенія, когда всѣ усилія не въ состояніи побороть стихію враждебнаго движенію уклада жизни, и самые, казалось бы, сильные удары лишь слабо царапаютъ его гранитную поверхность.

Въ магическій кругъ этихъ болѣзненныхъ настроеній постепенно втягивается и цѣликомъ поглощается ими молодой художникъ Гамеленъ. Ставъ назначеннымъ революціонною властью постояннымъ присяжнымъ засѣдателемъ безпощаднаго трибунала, онъ каждый день своей жизни претворяетъ въ зловѣщее оружіе борьбы съ «измѣнниками и предателями Революціи». Онъ убѣжденъ до послѣднихъ глубинъ существа, что отъ него и немногихъ искреннихъ патріотовъ зависитъ все ея будущее. Ибо массы нѣтъ. Масса ушла.

— Повѣрьте,—говоритъ ему трезвый купецъ Влэзъ, умѣвшій ко всему приспособиться и провести свое благополучіе сквозь всѣ бури и изгибы революціи,—повѣрьте мнѣ, мой другъ, революція надоѣла. Она тянется слишкомъ долго. Помилуйте! Пять лѣтъ энтузіазма, пять лѣтъ лобзаній, убійствъ рѣчей, марсельезы, набата, аристократовъ на фонаряхъ, головъ на пикахъ, женщинъ верхомъ на пушкахъ, древъ Свободы, увѣнчанныхъ краснымъ колпакомъ... пять лѣтъ заточеній въ тюрьмахъ, гильотины, афишъ, кокардъ... это слишкомъ! И въ концѣ-концовъ всѣ перестали понимать, въ чемъ дѣло. Мы видѣли достаточно этихъ великихъ гражданъ, которыхъ вы водили на Капитолій только

Масса не только ушла. Она уже начала разочаровываться. Уже стала поворачивать фронтъ. Вотъ какіе разговоры начинаютъ уже вестись между вожаками революціонныхъ секцій.

— Насъ губитъ индифферентизмъ. Въ кварталѣ, въ которомъ числится 900 гражданъ, имѣющихъ право голоса, нѣтъ и 50, посѣщающихъ собранія. Вчера насъ было 28 человѣкъ.

— Ну, что же!—сказалъ Гамеленъ,—слѣдуетъ штрафами заставить горожанъ приходить...

— Эге-ге-ге!—протянулъ столяръ, нахмуривъ брови. Если бы пришли всѣ, патріоты оказались бы въ меньшинствѣ!

Такимъ образомъ поворотъ въ настроеніи не ускользалъ отъ вниманія якобинцевъ. Да и мудрено было бы пропустить мимо глазъ это явленіе имъ, пребывавшимъ во властномъ, но безнадежномъ одиночествѣ среди людского моря. И чѣмъ болѣе опредѣленно сказывался этотъ поворотъ, тѣмъ болѣе привыкали они къ нему, какъ къ неизбѣжному и естественному явленію, тѣмъ болѣе пріучались смотрѣть на себя, какъ на особую касту, особый орденъ «избранныхъ». Въ отличіе отъ остальныхъ—полагали они—именно они были *бдительны*, они являли собой мозгъ и совѣсть Республики, ея зоркій глазъ и острый мечъ. И глазъ этотъ шарилъ еще болѣе подозрительно, мечъ разилъ еще болѣе безпощадно. Но итогъ былъ все тотъ же. Какъ въ древней русской былинѣ, каждый взмахъ, каждый ударъ не столько уничтожалъ противниковъ, сколько множилъ, множилъ ихъ безъ конца. И «избранные» все больше и сильнѣе чувствовали себя «отверженными», поставленными за грань человѣчества. Что долженъ чувствовать человѣкъ, чтобы сказать, подобно Эваристу:

— Я поцѣловалъ этого ребенка. Возможно, что я пошлю на гильотину его мать!

Онъ все больше сознаетъ себя отверженнымъ тѣмъ же народомъ, которому въ жертву бросилъ собственную жизнь вмѣстѣ съ множествомъ чужихъ. Онъ жертвуетъ даже любовью—своей единственной опорой въ непосильной своей задачѣ.

— Я пожертвовалъ отечеству жизнью и честью. Я умру опозоренный и могу завѣщать тебѣ лишь проклятую память... Наше дѣло поглощаетъ насъ. Наши дни, наши часы—вѣдь это годы! Я прожилъ почти сто лѣтъ! Посмотри на этотъ лобъ. Развѣ это чело любовника! Любить! Но развѣ меня можно любить? И развѣ я могу любить?

Борецъ за народъ, когда-то дышавшій съ нимъ единой грудью, пившій съ нимъ изъ общей чаши горечи и униженій, съ сердцемъ, бившимся въ тактъ съ милліонной массой, онъ мало-по-малу, шагъ за шагомъ вырождается въ кошмарный обликъ, таящій въ себѣ душу Великаго Инквизитора.

Въ этомъ—личное крушеніе революціонера, пытающагося дать, подарить счастье народу помимо и вопреки волѣ и усиліямъ послѣдняго.

И пока онъ мечется на вершинахъ своего одиночества, масса живетъ своей особой уже чужой и отличною отъ его жизнью. Пока онъ выбивается изъ силъ измѣнить ось общественнаго уклада, упрочить эфемерную побѣду, отошедшій въ сторону, возложивъ на него всѣ надежды народъ подсчитываетъ итоги этой работы. Печальные итоги! Потоки крови и скрежещущія муки голода—такова ихъ сжатая формула...

И снова закипаетъ въ нѣдрахъ общественнаго низа. Снова собираются зловѣщія темносвинцовыя тучи. Малѣйшій толчокъ и расковалъ свои крылья ураганъ. Онъ мчится, сметая преграды, словно кучу мертвыхъ листьевъ. На мѣстѣ гордаго храма великихъ безгранныхъ надеждъ—груды жалкихъ ос

и якобинецъ—революціонеръ съ душой инквизитора. Какъ и предшественники, онъ засыпанъ пепломъ и сожженъ лавой вулкана народнаго гнѣва и разочарованія.

И даже въ послѣдній мигъ крушенія всего зданія диктатуры, Гамеленъ не можетъ стряхнуть съ себя власть своей новой инквизиторской души. Несчастной жертвой влекомый послѣ переворота 9 термидора къ гильотинѣ, онъ подъ крики толпы: «иди, иди, кровопійца... Убійца за 18 франковъ»—думаетъ все о томъ и о томъ же.

«Моя смерть справедлива... Мы были слабы. Мы виновны въ снисходительности. Даже самъ Робеспьеръ... грѣшилъ кротостью и снисходительностью. И я, по его примѣру, предалъ Республику; она погибнетъ. Я щадилъ людскую кровь—пусть моя кровь прольется!»

Даже въ смертный часъ этотъ недавній вождь народа настолько чуждъ ему, настолько далекъ отъ него, что нѣтъ у нихъ ни одной общей точки соприкосновенія, ни одного, самаго слабаго намека на взаимное пониманіе...

Такъ закончилась почти что вѣкъ съ четвертью тому назадъ попытка перестроить жизнь въ пользу трудового народа помощью *диктатуры революціонеровъ надъ страной и надъ самимъ народомъ*. Она привела къ вырожденію революціонеровъ, а народъ оставила въ прежнемъ подземельи.

Нѣтъ, *освобожденье рабочихъ можетъ быть дѣломъ только самихъ рабочихъ!*

Вл. Андреевъ.

Къ борьбѣ!

Жизнь есть борьба, и кто не желаетъ постоять за себя и за свои классовые интересы, тотъ не человѣкъ, а тряпка.

За послѣднее же время среди нашихъ рабочихъ рядовъ образовывается какая-то пустота и вялость.

Слишкомъ мало жизни и борьбы за жизненную красоту. Нѣкоторые товарищи говорятъ, что все надоѣло и опротивѣло, но вѣдь есть и такіе среди насъ рабочіе, которые этого не говорятъ, а въ упоръ участвуютъ въ борьбѣ за вѣчную правду.

За правду, за жизнь и за рабочее дѣло. Слышите и видите ли вы, болтуны, это? Если нѣкоторые красноармейцы перепились, происходятъ безобразія на желѣзныхъ дорогахъ и развивается взяточничество,—это еще не значитъ, что нѣтъ правды, и рабочее дѣло погибло.

Вѣдь только теперь дано рабочимъ право всю эту грязь и творимую подлость искоренять. И наше дѣло довершать революцію до конца и все хорошее, красивое, честное, что есть у насъ, мы, труженики, должны отдать на общее дѣло.

Слѣдуетъ соблюдать выдержку и еще больше надо принять участія въ профессіональномъ союзѣ, еще больше продумывать всѣ политическія событія.

Вѣдь люди, которымъ сытно раньше жилось, о насъ заботиться не будутъ. Они, какъ паразиты, перебираются теперь изъ угла въ уголъ нашей Россіи и стараются задушить свободу. По нашей слабости и разсѣянности они готовы зажить по-старому, и грѣхъ намъ тогда будетъ передъ исторіей за то, что мы, рабочіе, не спасли свои завоеванія.

Новая жизнь требуетъ отъ насъ подвиговъ! Критиковать и ругать всѣхъ,—только лишь не себя,—легко. Будемъ же достойны новой рабочей жизни!

Товарищи-рабочіе и вы, наши подруги-

дорогу. Будемъ спорить и бороться съ темной, гнилой Россіей!

Поспѣшимъ вооружаться знаніемъ и еще дружнѣе будемъ защищать свои рабочія организаціи, и горе тѣмъ, кто намъ будетъ противиться.

Рабочій Дорофеевъ.

„Заря новой жизни".

Случается иногда такъ, что рабочимъ надоѣдаетъ толкаться по переднимъ начальства и ждать «инструкцій» и «руководства» изъ «центровъ».

Тогда они берутся за дѣло сами. Подбирается група товарищей погорячѣе, и работа закипаетъ. Глядишь, гдѣ-нибудь въ углу, въ сторонѣ отъ большой дороги, безъ шума и рекламы выростаетъ маленькое культурное учрежденіе.

Такъ именно возникъ на краю Москвы, у Семеновской заставы, рабочій клубъ «Заря Новой Жизни».

У клуба прекрасная большая библіотека. Свой кинематографъ. Стремится клубъ устраивать лекціи. Правда, въ этомъ отношеніи приходится ждать помощи отъ «центра». Ну, и бываетъ изрѣдка такъ, что соберется полная аудиторія, а лекторъ не пріѣдетъ. Но рабочіе не обижаются. Привыкли.

Сейчасъ дружно, горячо взялись за устройство дѣтской площадки. Думается, будетъ занято до 300 ребятишекъ района. Большая радость дѣтямъ—ждутъ-не дождутся.

Хорошо также у насъ проходили дѣтскіе праздники. Много счастья внесли они въ безрадостную жизнь рабочихъ дѣтей. И населеніе вокругъ почувствовало все значеніе работы клуба для дѣтей. Видятъ члены клуба общую симпатію къ ней.

Сейчасъ у клуба большой хорошій проектъ: организовать массовую рабочую экскурсію въ Ясную Поляну, на могилу Толстого. Хочется вѣрить, что это дѣло удастся, и препятствія со стороны желѣзнодорожныхъ диктаторовъ будутъ преодолѣны.

По всей работѣ клуба видно, какъ много могутъ сами рабочіе и въ культурной области, когда они начинаютъ вѣрить въ свои силы и перестаютъ уповать на верхъ.

Побольше бы такихъ клубовъ!

ВЪ СОЮЗАХЪ.

У булочниковъ.

Въ настоящее время среди булочниковъ поднимается вопросъ о выдѣленіи ихъ союза изъ семьи пищевиковъ. Особенно горячими защитниками этого отдѣленія являются булочники Рогожскаго района, уже проведшіе его въ жизнь.

Главными аргументами въ своей агитаціи они выставляютъ слѣдующія положенія: соединеніе съ пищевиками прежде всего не было продумано массами. Когда вернувшіеся съ петроградской конференціи, состоявшейся осенью 1917 г., делегаты булочниковъ заявили о соединеніи съ пищевиками, это явилось до нѣкоторой степени неожиданностью, такъ какъ делегатамъ въ этомъ смыслѣ не было дано ясныхъ полномочій.

Такое соединеніе, кромѣ того, являлось неразумнымъ съ точки зрѣнія профессіональныхъ интересовъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть общаго между, положимъ, кишечникомъ и булочникомъ? Что дѣлать булочникамъ на собраніи, когда обсуждаются дѣла кишечниковъ, или наоборотъ? Поэтому-то именно на предложеніе Центральнаго К-та объединиться порайонно булочникамъ, кишечникамъ и пр. въ одинъ союзъ, булочники и отвѣтили отказомъ.

Наоборотъ, очень жизненнымъ для булочниковъ можетъ явиться созданіе Всероссійскаго Союза булочниковъ, къ чему и стремится теперь Рогожскій районъ.

Дѣйствія Центр. К-та пищевиковъ также въ извѣстной степени вліяли на отдѣленіе рогожцевъ. Дѣло въ томъ, что правленіе, проводя принципъ «демократическаго централизма», идетъ какъ разъ въ разрѣзъ съ желаніемъ рогожцевъ работать самостоятельно, въ очень малой степени завися отъ центральной власти, которая по ихъ представленіямъ должна играть роль только «всевидящаго, охраняющаго цѣлое ока», но ни въ коемъ случаѣ не можетъ стѣснять самодѣятельности отдѣльныхъ членовъ этого цѣлаго.

Огромный вредъ профессіональнымъ интересамъ можетъ принести и то политиканство, которое играетъ значительную роль среди членовъ Центр. К-та даже въ чисто-дѣловой жизни союза. Какъ на примѣръ такого полн

У швей-кустарей

Швеи и портные.

Мы уже сообщали въ предыдущихъ номерахъ «Рабочей Жизни» о томъ, что Профессіональный Союзъ подалъ докладную записку въ Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства о предоставленіи ему 100 швейныхъ машинъ оборудованной мастерской Московскаго Губернскаго Земскаго Комитета, которая въ настоящее время не работаетъ и рабочіе разсчитаны.

Во время осмотра мастерской инженеромъ отъ Районнаго Экономическаго Совѣта явился представитель отъ Союза Портныхъ и представитель Союза Текстилей и также предъявили свои требованія на эту мастерскую.

Въ свое время этому представителю Союза Портныхъ предсѣдатель Союза Швей указалъ на рядъ другихъ швейныхъ мастерскихъ, которыя бездѣйствуютъ, и говорилъ, что Союзъ Швей уже 3 мѣсяца, какъ ведетъ переговоры о передачѣ мастерской Земскаго Комитета въ его руки и что мы никакъ не можемъ заполучить мастерскую для ремесленной мастерской-школы.

Профессіональный Союзъ Швей еще разъ напоминаетъ товарищамъ портнымъ, что не дѣло рабочихъ итти противъ своихъ товарищей рабочихъ по иглѣ.

Грѣхи подрядчиковъ.

Въ среду 26-го іюня у комиссара Труда Московскаго Промышленнаго Района будетъ конструироваться комиссія, которая займется выплатой денегъ швеямъ изъ суммъ подрядчиковъ, находящихся въ Союзѣ Общественныхъ Организацій и Окружномъ Интендантствѣ. Это тѣ деньги, которые подрядчики систематически не доплачивали швеямъ по ставкамъ Профессіональнаго Союза Швей.

Комиссія, образованная Комиссаріатомъ Труда изъ представителей трудящихся, уплатитъ за всѣ грѣхи подрядчиковъ.

Профессіональный Союзъ Швей со своей стороны добивался этого цѣлый годъ и, наконецъ, тяжелый вопросъ приходитъ къ концу, хотя подрядчики все еще путаютъ и крутятъ дѣло, надѣясь еще разъ забрать въ свои

У народнаго комиссара труда.

Профессіональный Союзъ Швей возбудилъ ходатайство передъ Народнымъ Комиссаріатомъ Труда (Отдѣломъ борьбы съ капиталомъ) объ уплатѣ швеямъ за потерянное рабочее время во время Октябрьской революціи за 16 дней, за первые 3 дня по три четверти дневного заработка и остальные 13 дней по половинѣ заработка. Для полученія денегъ швея должна доказать, что она дѣйствительно не работала это время, что очень легко сдѣлать, такъ какъ всѣ организаціи могутъ отмѣтить, сколько времени бездѣйствовалъ данный раздаточный пунктъ.

Профессіональный Союзъ предполагаетъ добиться удовлетворенія этого законнаго требованія своихъ членовъ.

Биржа труда.

Профессіональный Союзъ Швей готовитъ обширный докладъ на Биржу Труда. Докладъ этотъ заключается въ слѣдующемъ. Члены Союза Швей и вообще женщины получаютъ работу черезъ Биржу Труда и пользуются пособіемъ до того времени, пока не находится для нихъ та или иная работа. Зачастую женщины вынуждены бываютъ отказываться отъ работы, мотивируя это тѣмъ, что у нихъ дѣти дома сидятъ подъ замкомъ, такъ какъ не съ кѣмъ ихъ оставить, уходя изъ дома для очередной явки на Биржу Труда для регистраціи или полученія пособія. И уходя на работу они не въ состояніи оставить запертыми своихъ дѣтей на цѣлый день.

Биржа Труда должна обратить особое вниманіе въ первую очередь на созданіе дѣтскихъ яслей-садовъ и очаговъ, чтобы мать могла пойти на работу, помѣстивъ ребенка на рабочее время въ ясли или дѣтскій садъ. Конечно, рабочимъ организаціямъ придется позаботиться, чтобы такихъ дѣтскихъ домовъ и яслей было какъ можно больше, чтобы удовлетворить всѣхъ нуждающихся въ нихъ; нужно, чтобы эти дѣтскіе дома носили чисто дѣловой характеръ, чтобы тамъ были люди, дѣйствительно работающіе и любящіе дѣло воспитанія дѣтей. Необходимо, чтобы дѣтей брали хотя бы за $1^1/_2$ часа до начала рабочаго дня и держали на 2 часа позднѣе, имѣя въ виду, что женщинамъ приходится ѣздить на работу зачастую отъ одной заставы Москвы на противоположный конецъ, и нужно успѣть отвести своего ребенка. Существующіе въ нѣкоторыхъ районахъ дѣтскіе клубы и ясли открыты только съ 9 до 3 часовъ и поневолѣ женщинамъ приходится отказываться отъ работы, которую имъ предлагаютъ на Биржѣ Труда, и быть тунеядцами за счетъ товарищей, которые работаютъ. Мы не должны закрывать глаза на будущее. Если сейчасъ же не начать этого дѣлать, то на Биржѣ Труда разведется столько паразитовъ, что черезъ короткое время на нихъ не хватитъ никакихъ капиталовъ. Когда будутъ существовать ясли, въ которые женщина можетъ помѣстить ребенка, и все-таки откажется отъ работы, то ясно будетъ, что она не хочетъ работать. Нужно заставить всѣхъ работать, а пока въ этомъ отношеніи ничего еще не сдѣлано. Съ этимъ нужно спѣшить, иначе Биржа Труда умретъ естественной смертью.

Конфликтная комиссія.

Для того, чтобы добиться аккуратнаго исполненія обязанностей членовъ Правленія и Исполнительнаго Комитета Швей, президіумъ Правленія поручилъ комиссіи разсмотрѣть вопросъ о посѣщеніи службы членами Правленія и Исполнительнаго Комитета. Разсмотрѣвъ вопросъ, комиссія пришла къ слѣдующему заключенію: всѣ платные члены Правленія и Исполнительнаго Комитета обязаны ежедневно являться къ 10 часамъ утра въ Правленіе Союза на Дмитровку, откуда

обязаны извѣстить о томъ Правленіе по телефону. Члены, не посѣтившіе Правленіе хотя бы одинъ день безъ уважительной причины, будутъ подвергнуты вычету изъ жалованія въ суммѣ дневного заработка, считая рабочихъ дней въ мѣсяцѣ 25. Если кто-либо изъ членовъ пропуститъ болѣе 3 дней, обязанъ принести документъ, оправдывающій его непосѣщеніе.

Союзъ рабочихъ парфюмернаго, мыловареннаго, химико-фармацевт., фруктово-медовареннаго и сходныхъ производствъ.

Правленіе Союза предлагаетъ всѣмъ фабрично-заводскимъ комитетамъ и делегатамъ, которыми до настоящаго времени не представлены въ Правленіе свѣдѣнія о положеніи дѣла съ проведеніемъ прибавки въ ихъ предпріятіяхъ, дать эти свѣдѣнія въ письменной формѣ немедленно.

На заявленія должна быть надпись управленія или владѣльца предпріятія съ его согласіемъ или отказомъ отъ выполненія предъявленнаго имъ требованія.

Правленіе увѣдомляетъ, что въ послѣднемъ совмѣстномъ засѣданіи съ фабрикантами и заводчиками 11 іюня с/г. «Обществомъ фабрикантовъ парфюмернаго производства» были предложены свои условія, на которыя представители Союза рабочихъ не согласились.

Текстъ этихъ условій былъ помѣщенъ въ № 16 «Рабочая Жизнь».

Въ концѣ засѣданія секретаремъ «Общества фабрикантовъ» было заявлено, что въ виду того, что соглашенія не достигнуто, «Общество фабрикантовъ» предложеніе свое снимаетъ и переноситъ дѣло на разсмотрѣніе демократическихъ учрежденій и организацій.

Теперь, на предъявленное рабочими требованіе о признаніи прибавки управленія и владѣльцы фирмъ, объединенныхъ «Обществомъ», вновь отвѣчаютъ выдачей аванса въ размѣрѣ 150 руб. въ счетъ возможной прибавки по утвержденіи тарифа демократическими организаціями.

Въ настоящее время положеніе съ проведеніемъ прибавки въ жизнь таково:

1) Въ прибавкѣ совершенно отказано—4 предпріятія.

2) Прибавка выдана авансомъ—5 предпріятій.

3) Прибавка выдается временно, огульно, но не въ счетъ будущей—6 предпріятій.

4) Прибавка признана согласно требованію рабочихъ—13 предпріятій.

Кромѣ большого числа предпріятій, отъ которыхъ делегатами рабочихъ еще не представлено письменнаго удостовѣренія, въ томъ или иномъ видѣ прибавку получали 5162 чел. рабочихъ, входящихъ въ союзъ.

Исключительно по документальнымъ даннымъ, безъ ограниченія въ размѣрѣ, безъ условія удержанія, исключая получившихъ авансомъ въ счетъ возможной прибавки въ будущемъ, согласно предложенія О-ва фабрикантовъ парфюмернаго производства,—прибавкой удовлетворено свыше 60% указаннаго числа рабочихъ.

Отъ управленій тѣхъ предпріятій, которыя являются акціонерными обществами, гдѣ были ссылки на то, что акціонеры иностранные подданные и находятся за границей, фабрично-заводскіе комитеты срочно затребовали полные списки акціонеровъ.

Правленіе.

У водопроводчиковъ.

Въ послѣднемъ засѣданіи Правленія Союза рѣшено, въ виду имѣвшихъ мѣсто непріятныхъ инцидентовъ, поручить Президіуму выработать обращеніе ко всѣмъ членамъ Союза о необходимости оказывать должное уваженіе

которыхъ вы вводили на Капитолій только за тѣмъ, чтобы сбросить ихъ потомъ съ Тарпейской скалы... Кто насъ завѣритъ, что вы не готовите той же участи вашимъ новымъ героямъ?

колковъ. Къ личному крушенію присоединяется, довершая его, крушеніе общественное. И вслѣдъ за тупымъ королемъ, за министрами конституціонной монархіи, за умѣренной республиканской интеллигенціей—похороненъ

работницы, не вѣрьте сплетникамъ и гоните отъ себя кликушъ съ постными лицами. Пусть они идутъ къ своимъ батюшкамъ и ищутъ съ ними себѣ чудесъ.

Всѣ двинемся на широкую демократическую

жизни союза. Какъ на примѣръ такого политиканства, указываютъ на статью «Извѣстій», появившуюся по поводу откола булочниковъ отъ пищевиковъ,—статью явно инспирированную противниками булочниковъ.

дѣло, надѣясь еще разъ забрать въ свои карманы деньги, принадлежащія несчастнымъ труженицамъ подваловъ, которыя благодаря паразитамъ-подрядчикамъ вѣчно сидятъ голодныя и холодныя.

Правленія и Исполнительнаго Комитета обязаны ежедневно являться къ 10 часамъ утра въ Правленіе Союза на Дмитровку, откуда и будутъ расходиться по назначенію. Члены Правленія и Исполнительнаго Комитета, почему-либо не могущіе притти въ Правленіе,

работать обращеніе ко всѣмъ членамъ Союза о необходимости оказывать должное уваженіе лицамъ, входящимъ въ примирительную камеру, конфликтную комиссію и другія учрежденія, созданныя Союзомъ.

На глаза обоихъ навернулись слезы умиленья.

— Но вотъ что я тебѣ долженъ сказать,—замѣтилъ Глашанъ. Твоя мастерская, полагаю я, полна синдикатчиковъ. Не такъ ли? Но я предпочту умереть съ голоду, чѣмъ быть съ ними заодно... Вѣдь я былъ хозяиномъ... Въ моихъ жилахъ течетъ кровь патрона, а не работника. И если ты связанъ по отношенію къ нимъ опредѣленнаго рода обязательствами...

— Да я связанъ ими. Но это не имѣетъ отношенія къ тебѣ. Ну, а тѣ, кто не согласенъ съ этимъ... могутъ итти конфедерироваться къ другомъ мѣстѣ.

Водвореніе Глашана было своего рода государственнымъ переворотомъ. Типографщикъ подготовилъ все втихомолку и поставилъ людей передъ совершившимся фактомъ. Рабочіе не уклонились отъ боя. Немедленно же была избрана делегація въ составѣ трехъ человѣкъ, которая должна была призвать Бушарла къ порядку и предложить ему на выборъ, разстаться либо съ ними, либо съ новичкомъ.

Эти трое сейчасъ же направились въ его кабинетъ и маленькій рябой человѣкъ выступилъ отъ имени всей делегаціи. Онъ былъ вѣжливъ, но ставилъ вопросы весьма ясно и остро.

— Извиняюсь, простите... Мы видимъ себя вынужденными напомнить вамъ, что вы подписали обязательство принимать на работу лишь организованныхъ рабочихъ. Новичокъ къ союзу не принадлежитъ. Что вы намѣрены предпринять? Мы являемся не съ желаніемъ войны, а мира. Мы хотѣли бы достигнуть съ вами общей почвы соглашенія. Если новичокъ имѣетъ намѣреніе вступить въ союзъ, мы просимъ вамъ это сообщить и мы обождемъ. Если онъ отказывается—да, тогда дѣло принимаетъ иной оборотъ!

Бушарла слушалъ, запрокинувъ назадъ голову. Сухая усмѣшка кривила его губы. Лицо слегка покраснѣло.

— Кто изъ васъ здѣсь хозяинъ?

— Никто! Вы собственникъ этой типографіи, Вы эксплуатируете нашъ трудъ, но вы не хозяинъ насъ самихъ.

— Кто платитъ вамъ?

— Вы платите намъ деньгами, мы платимъ вамъ трудомъ.

— Безъ денегъ не было бы работы.

— Безъ труда не было бы денегъ.

— Но вы околѣли бы съ голода.

— Возможно. Но вы тоже околѣли бы съ голода, если бы мясникъ, булочникъ, бакалейщикъ отказались принимать въ уплату деньги. И всѣ бы на свѣтѣ околѣли съ голода, если никто не сталъ бы работать. Мы обмѣниваемся цѣнностями, вотъ и все. Единственная разница между нами—та, что мы вамъ даемъ больше, чѣмъ вы намъ.

— Ну, а моя лошадь? разразился типографщикъ—вѣдь и она, смѣю полагать, даетъ мнѣ больше, чѣмъ я ей. А машины? Онѣ даютъ въ сотни разъ больше, чѣмъ то, что стоили.

— Машины созданы эксплуатируемыми.

— Вовсе нѣтъ. Машины созданы изобрѣтателями. А изобрѣтатели—буржуа. Даже тогда, когда они вышли изъ мастерской. Я самъ былъ рабочимъ. Я знаю, что значитъ управлять предпріятіемъ... Вы сообщите товарищамъ, что новичокъ поступитъ, какъ хочетъ. Онъ мой старый товарищъ и я ни за что не покину его. Обратитесь къ нему... Меня это не касается.

— Но вы подписали договоръ.

— И я держался своихъ обязательствъ. Даже слишкомъ строго держался ихъ сравнительно съ вашимъ поведеніемъ. Никто изъ васъ не выполнялъ своего долга. Слѣдовательно, морально я свободенъ. А къ тому же я полагаю, что никоимъ образомъ не преступаю своихъ обязательствъ, если дѣлаю исключеніе для стараго друга. Вопросъ исчерпанъ. Я хозяинъ. И дѣлаю то, что считаю нужнымъ.

— Вы приняли опредѣленнаго рода обязательство по отношенію къ союзу.

— Плевать мнѣ на союзъ.

— Мы знаемъ, что намъ остается дѣлать.

— Меня это не занимаетъ.

Онъ поднялся. Его гнѣвъ дошелъ до бѣлаго каленія. Онъ закрывалъ глаза на всѣ послѣдствія.

Делегаты разсмотрѣли положеніе и пришли къ необходимости разрыва переговоровъ.

— Необходимо проучить его, провозгласилъ рябой рабочій.

Въ мастерской поднялась суматоха. Экзальтированные характеры подавляли остальныхъ силой легкихъ и энергичной жестикуляціей. Перспектива стачки улыбалась многимъ. Безпокойнымъ и созерцательнымъ умамъ рисовались цѣлые дни блаженствованья въ кабачкахъ и свободнаго времяпровожденія. Къ тому же можно было разсчитывать на субсидіи со стороны союза. Но послѣ того, какъ настроеніе нѣсколько остыло, взяла верхъ другая сторона, гдѣ группировались нерѣшительные характеры, тѣ, кто много работали и тѣ, что откладывали въ сберегательную кассу. Они составили большинство, стоявшее на томъ, что можно допустить исключеніе для стараго товарища владѣльца. Въ глубинѣ души пожилые рабочіе вполнѣ одобряли его поведеніе. Послѣ обмѣна мнѣній было рѣшено возобновить попытку. Но взбѣшенный Бушарла наотрѣзъ отказался продолжать какіе бы то ни было переговоры.

Послѣ этого вожаки возобновили агитацію. Начались сборища на улицахъ и въ кабачкахъ. Однако сторонники стачки оставались въ меньшинствѣ. Притомъ настроеніе ихъ все больше угасало. Казалось, старикъ Бушарла побѣдилъ, когда въ дѣло вмѣшался Ружмонъ.

Пропагандистъ раздулъ тлѣвшіе уже угли и поднялъ настроеніе. Изслѣдовавъ положеніе, онъ пришелъ къ заключенію, что успѣшный исходъ стачки вполнѣ возможенъ. Но ему предстояло преодолѣть значительную силу сопротивленія. Большинство мастерской считало вопросъ рѣшенымъ. Несмотря на свой неуклюжій видъ, старикъ Глашанъ оказался недурнымъ дипломатомъ. Онъ угостилъ виномъ нѣсколькихъ пожилыхъ работниковъ и держался въ мастерской совершенно тихо. Его печальный видъ, постоянные ревматизмы и бѣлоснѣжная борода расположили въ его пользу пожилыхъ. Имъ стало казаться вполнѣ естественнымъ и законнымъ сдѣланное въ его пользу исключеніе.

— Этотъ старый песъ, которому изъ жалости бросаютъ кость!—провозгласилъ пятидесятилѣтній работникъ однажды вечеромъ на созванномъ Франсуа собраніи.—Я ставлю себя на мѣсто его и нашего хозяина. И полагаю, что поступилъ бы точно такъ же.

Его слова не смутили пропагандиста.

— Рѣчь вовсе не идетъ о человѣкѣ,—заявилъ онъ,—дѣло въ революціонной дисциплинѣ. Что отъ него добиваются? Присоединиться къ союзу. Почему онъ отказывается отъ этого? Изъ-за кастовой гордости!

— Ну и что же? Какое это имѣетъ значеніе? Онъ же безвреденъ. Онъ разоренъ и несчастенъ.

— Да, онъ безвреденъ. Онъ несчастенъ. Но несчастенъ ли онъ больше тысячъ другихъ безработныхъ? Вы какъ будто склонны особенно оплакивать его судьбу, потому что онъ былъ эксплоататоромъ. Это нелѣпое и опасное чувство. Стали бы вы оплакивать судьбу человѣка, стащившаго ваши сбереженія и потомъ разорившагося? Нѣтъ, конечно. Хорошо. Такъ, по существу, это тотъ же вопросъ. Глашанъ жилъ за счетъ труда другихъ. Онъ оплачивалъ за счетъ вашихъ братьевъ такую роскошь и удовольствія, какія никто изъ васъ никогда не имѣлъ. Что жъ изъ того, что вернулся въ ваши ряды! Это не мѣняетъ того, что большую часть своей жизни онъ былъ болѣе счастливъ, чѣмъ вы. Несмотря на это, никто не помышляетъ лишить его работы и вы великодушно принимаете его къ себѣ. Вы требуете отъ него лишь одного: примкнуть къ союзнымъ рядамъ. Онъ отказывается. Тѣмъ хуже для него. Ему нечего было забираться въ мастерскую, гдѣ принятый обѣими сторонами договоръ опредѣляетъ условія труда.

— Это исключеніе!

— На свѣтѣ нѣтъ ничего опаснѣе исключеній. Это открытая для всякихъ злоупотребленій дверь. Они подтачиваютъ правило и кончаютъ тѣмъ, что сами становятся правиломъ. Къ тому же, повторяю, этотъ субъектъ отказывается примкнуть къ союзу, потому что онъ былъ хозяиномъ, потому что онъ разсматриваетъ себя какъ высшую, чѣмъ вы породу! Товарищи, Парижъ полонъ безработныхъ, несчастныхъ людей, умирающихъ съ голода. Они ваши братья. Они никогда не знали раздольной жизни богачей. Они не ставятъ себя выше васъ. Наоборотъ. Совсѣмъ наоборотъ. Сохраните свои симпатіи для нихъ. Тѣ же, что отказываются вступить въ союзъ—ваши враги. Они обрекаютъ васъ на болѣе тяжелую борьбу, дѣлаютъ вашъ заработокъ болѣе труднымъ. Они стоятъ поперекъ дороги восьмичасовому рабочему дню, благодаря которому тысячи вашихъ голодныхъ товарищей снова найдутъ заработокъ.

Вожаки поддержали его громкимъ крикомъ. Умѣренные не находили словъ къ возраженію. Однако старикъ-рабочій грустно покачалъ головою. Онъ довѣрялъ больше своимъ чувствамъ, чѣмъ чужимъ рѣчамъ. Съ горечью въ голосѣ онъ задалъ вопросъ:

— Значитъ, его нужно выкинуть за дверь?

— Нѣтъ. Вы останетесь великодушны. Вы снова пойдете къ нему и скажете, что судьба его въ собственныхъ рукахъ, что вы требуете отъ него лишь одного,—чтобы онъ призналъ ваше право, и, несомнѣнно, справедливое право, держаться принятыхъ вами по отношенію къ товарищамъ обязательствъ. И если онъ откажется—что жъ! Значитъ онъ самъ выкинетъ себя на улицу! Въ концѣ-концовъ это вашъ прямой долгъ. Борьба есть борьба. Если вы уступите сегодня господину Бушарла и господину Глашанъ, завтра вы неизбѣжно уступите еще одному, послѣзавтра еще и еще и такъ безъ конца. Нѣтъ,—вы обязаны выполнить свой долгъ. За вами вся конфедерація!

Его жестъ, его голосъ, горящая во взглядѣ непреодолимая искренность увлекли собраніе. Жажда борьбы и возмущенія охватили наиболѣе умѣренныхъ:

— Борьба до конца! зарычалъ взрытый оспой рабочій. Кто отступитъ—трусъ и предатель! Долой кровопійцъ!

Глашанъ не желалъ даже разговаривать. Въ отвѣтъ на всѣ уговоры онъ поворачивалъ къ нимъ свое каменное лицо и бросалъ рѣзкія отрывочныя замѣчанія. Когда рябой сталъ энергично и съ увлеченіемъ доказывать ему справедливость требованія, онъ воскликнулъ, скрестивъ на груди руки:

— Вы бѣсите меня! Я сказалъ вамъ уже разъ, что синдикаты разорили меня. Не могу же я лизать руки собственныхъ убійцъ. Я былъ владѣльцемъ и остаюсь имъ въ душѣ!

— Ладно,—завопилъ вожакъ,—такъ и иди къ нимъ! Что же ты лѣзешь къ рабочимъ!

— Я работаю.

— Да, ты работаешь противъ насъ.

— Ни за васъ, ни противъ васъ, а просто изъ-за куска хлѣба.

— Кто не съ нами, тотъ противъ насъ, тотъ въ союзѣ съ нашими врагами.

— Хозяева вовсе не враги вамъ!

— Что жъ, они, быть можетъ, друзья?

— Нѣтъ, конечно... Они нужные люди.

— Ну, а мы—ненужны? безполезны?

Глашанъ устремилъ свой взоръ въ лицо противника, и, уже чувствуя, что теряетъ власть надъ собой, крикнулъ:

— Да, вы также нужны. Но вы всѣ все еще дикари.

Поднялся насмѣшливый хохотъ. Это замѣчаніе отбросило отъ старика даже тѣхъ, кто былъ къ нему хорошо расположенъ. Одинъ изъ рабочихъ заявилъ ему:

— Ты самъ произнесъ свой приговоръ, старина. Мы не желали тебѣ зла. Но мы вѣдь дикари. Что жъ, ты увидишь битву дикарей.

Глашанъ ничего не отвѣтилъ и вернулся къ работѣ. Губы сжались, глаза смотрѣли безжизненно, на сердце легли горечь и презрѣніе.

На слѣдующее утро трое делегатовъ предстали передъ Бушарла. Въ немъ слишкомъ долго клокоталъ гнѣвъ, чтобы онъ смогъ сдержаться. Съ первыхъ же словъ онъ вышелъ изъ себя.

— Я не буду рабомъ своимъ рабочихъ—провозгласилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. Къ тому же вы ведете себя грязно. Дѣло было улажено. Вы это хорошо знаете. Теперь вы втихомолку вновь раздули кадило. Довольно! Съ меня достаточно. Кто мной недоволенъ—можетъ выметаться!

— Вы все забываете о своей подписи подъ договоромъ,—замѣтилъ ядовито рябой.

— Я не далъ подписи подъ свое разореніе. И лучше вамъ о ней вообще молчать. Вы прекрасно сознаете, что ищете разрыва во что бы то ни стало. Старикъ Глашанъ лишь предлогъ для этой цѣли. Вы добиваетесь только того, чтобы вывести меня изъ терпѣнія.

— Чтобы установить кто здѣсь поступаетъ по-свински!

Краска кинулась въ лицо Бушарла. Онъ взмахнулъ огромнымъ пресъ-папье и закричалъ:

— Убирайтесь вонъ!

— Значитъ,—стачка!

—Плевать мнѣ на вашу стачку! Съ сегодняшняго дня я принимаю къ себѣ кого пожелаю.

Онъ открылъ дверь въ маленькую прихожую и произнесъ:

— Войдите!

Вошелъ длинный изможденный человѣкъ съ желтымъ лицомъ и большой нечесанной клочковатой бородой.

— Вы приступите къ работѣ сегодня же послѣ обѣда,—заявилъ ему величественно Бушарла.—Достаточно вы натерпѣлись голода.

— Это штрейкбрехеръ! воскликнулъ одинъ изъ делегатовъ—я узнаю его.

Субъектъ ничего не отвѣтилъ. Онъ пожиралъ глазами Бушарла, словно открытую въ булочную дверь.

— Въ доказательство,—продолжалъ типографщикъ,—вотъ вамъ за полдня впередъ.

Онъ протянулъ ему три франка жестомъ, выражавшимъ одновременно сочувствіе к несчастному и вызовъ по адресу делегаціи. Не говоря ни слова, всѣ трое круто повернулись и вышли. Война была объявлена.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Издатель: Группа работниковъ пролеатрскихъ организацій.

Тип. Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бул., Путинковскій пер., д. № 3.

Редакторъ Н. Проферансовъ.